

Теории и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Валерия Мухина, Андрей Хвостов

ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ДРУГИХ: ОТЧУЖДЕНИЕ В ПРОЦЕССЕ ДВИЖЕНИЯ К ЦЕЛИ*

Аннотация. Рассматриваются выявленные в науках о человеке социальные формы отчуждения, возникающие в обыденной жизни: одиночество, уединение, дистанцирование, суверенность и обособление. Обсуждаются: аутентичность человеческого бытия и доверие как феномен эмоциональной сферы личности, психологические детерминанты альтруизма.

Ключевые слова: одиночество; аномия; уединение; дистанцирование; суверенность; обособление; отчуждение; аутентичность бытия человека; личностное пространство; психологическая несовместимость; доверие; социальный интерес; сотрудничество; макиавеллизм.

Abstract. Different social forms of alienation, appearing in ordinary life and revealed by human sciences are viewed. Among them are: loneliness, seclusion, distancing, sovereignty and separation. Psychological determinants of altruism, authenticity of human life and trust, viewed as a phenomenon of emotional sphere of personality, are discussed.

Keywords: loneliness; anomy; seclusion; distancing; sovereignty; separation; alienation; authenticity of human being; personal space; psychological incompatibility; trust; social interest; cooperation; machiavellism.

* Продолжение. Начало см. в ж. «Развитие личности». – № 2, 2012. – С. 81 – 109.

*Человек одинокий, и другого нет;
ни сына, ни брата нет у него; а всем
трудам его нет конца, и глаз его
не насыщается богатством. «Для кого
же я тружусь и лишаю душу мою блага?»
И это – суета и недоброе дело!*

[Еккл. 4: 8]

*Призри на меня и помилуй меня,
ибо я одинок и угнетен.*

[Пс. 24: 16]

*Иезуитство и макиавеллизм...
возмутительны для честного человека.*

Н. А. Добролюбов

*Однако человек не может отказаться
от себя.*

К. Ясперс

2. Социальные формы отчуждения в обыденной жизни: одиночество, уединение, дистанцирование, суверенность, обособление и макиавеллизм

Цивилизациям
присущи
социальные формы
отчуждения

Цивилизациям присущи социальные формы отчуждения. Это могут быть: тяга к одиночеству, к уединению, а также страх перед одиночеством и потребность в дистанцировании.

Одиночество по своей сути деструктивная форма самовосприятия. Одиночество – феномен состояния души человека. Согласно Вл. Далью слово одиночество происходит от слова «один» (одна, одно) в значении сам, сам по себе, без дружки или ровня; единица счетом [1, с. 650–651]. И далее Вл. Даль развил значение слова «один». Он выделял такие значения: «одиначность» – свойство, состояние; «одинокый» – уединенный, отдельный; «одинок» – *арх.* одинокий, холостой, «одиночка» – живущий один, одиноко, в одиночестве; «одиночество» – состояние одинокого; «одинокиться» – дичиться или прятаться от людей, искать одиночества [1, с. 650–651].

Проблема
одиночества
соединена
с проблемой аномии

Проблема одиночества феноменологически соединена с проблемой аномии. Э. Дюркгейм ввел в социологию понятие аномия. Через это понятие философ объяснял общее состояние дезорганизации общества или отдельно-

го человека к обществу, которому присущи недостаток веры или цели, у которого утрачена эффективность нравственных установок, регулирующих как коллективную, так и индивидуальную жизнь [2, с. 223–262].

Одиночество может устойчиво удерживаться в сознании человека

Одиночество может глубоко пронизывать человека и устойчиво удерживаться в сознании человека и в его душе. Как справедливо писали У.С. Садлер и Т.Б. Джонсон одиночество «истощает душевные силы и начинает вызывать серьезные опасения. Более того, оно может содействовать возникновению чувства безнадежности, подрывающего способность плодотворно ему противодействовать. Такое положение становится невыносимым и стимулирует изменение структуры поведения, которое в итоге может стать пагубным для человека и общества. В современном обществе одиночество – всеобъемлющее явление» [3, с. 21–22]. Авторы выразили уверенность в том, что человеку предуготован путь от одиночества к аномии. Исследования одиноких подростков, отторгнутых обществом (согласно этим ученым), показали, что они стали аномичными. Одинокие подростки были недовольны собой и находились в подавленном состоянии. Согласно исследованиям Т.Б. Джонсона, многие из них вели уединенный образ жизни, часто употребляли наркотики, занимались проституцией. Во время опроса они описывали свои чувства отчужденности, опустошенности и одиночества. Многие из этих молодых людей испытывали чувство общего неприятия себя и других, они чувствовали, что «вся их жизнь идет благодаря внешним факторам, как-то: влияние Бога, дьявола или судьбы. Они были убеждены, что их собственные усилия могут лишь в очень незначительной степени повлиять на общее направление их жизни» [3, с. 46].

Утрата источника равновесия личности

Авторы утверждали, что те, у кого аномия достигла высокой степени, утратили источник равновесия личности. Они настаивали на том, что аномии предшествует одиночество [3, с. 48].

Проблема одиночества практически «с необходимостью» рассматривается при анализе отчужденности. При этом оказывается, что феномен одиночества чрезвычайно сложен.

Трактовки одиночества

Существует ряд направлений исследований одиночества. Ж.В. Пузанова называет следующие направления (которыми однако не исчерпывается весь спектр существующих ориентаций): феноменологическое, экзистенциальное, «социологическое», интеракцио-

нистское, когнитивное, «интимное», психодинамическое, системное.

Наибольший интерес для анализа проблемы отчужденности в данном контексте представляют социологические, интеракционистские и психологические трактовки одиночества.

В социологическом подходе одиночество связывается с ослаблением связей в социуме и увеличением социальной мобильности.

В интеракционистском подходе одиночество объясняется не только социальными, ситуативными, но и личностными качествами.

Личностный подход
к пониманию
одиночества

Личностный подход к пониманию одиночества пытается объяснить через устойчивость состояния одиночества характеристиками личности. Особое внимание в работе Ж. В. Пузановой уделяется анализу исследований по связи самооценки и одиночества; в частности, показана связь низкой самооценки и риска одиночества [4, с. 21–22]. Однако вопрос о причинно-следственной связи остается во многом открытым [4, с. 21–22].

Центральная идея практически каждого из направлений в том, что одиночество – определенное нарушение связи с миром, с социумом.

Социальный фактор
одиночества

Социальный фактор одиночества исследовал Дж. Т. Касиоппо с коллегами. Одиночество, – согласно этим исследователям, – характеристика не одного отдельного человека, а группы. Одинокий стремится найти другого одинокого, вплоть до «друзей друзей друзей». Формируется социальная сеть одиноких людей, которая укрепляется за счет того, что в этой сети количество контактов ограничено. Это своего рода закрытая группа в социуме, которая прошла путь от чувства социальной изоляции до реальной изоляции [5, с. 985–988]. Таким образом предполагается, что одиночество в определенном смысле «заразно», и существование социальной сети одиноких людей более индуцировано, чем возникло по принципу сходства (родства душ). Быстрее «заражаются» одиночеством друзья, чем семьи; вероятно, более подвержены этому недугу определенные возрастные и социальные категории.

Особое внимание уделял социальным причинам одиночества А. Рокач с соавторами. Как они полагали, в Северной Америке, культура усиливает социальное отчуждение, уменьшая количество контактов [6, с. 307–308]. С одной стороны, дистанцирование и отвержение других в Америке выражено значительно сильнее,

Фактор одиночества
в разных культурах

поскольку это культура соревнования и достижения. С другой стороны, в Северной Америке люди обычно гораздо легче переносят отчуждение.

Авторы также анализировали мнения некоторых исследователей одиночества в разных культурах. В частности, это идея относительно того, что в обществе «быстрого питания» люди быстро, но поверхностно знакомятся и сходятся. Другое дело в Европе, где дружба долго развивается и долго длится.

Дихотомию «коллективизм – индивидуализм» Х. С. Триандис рассматривал не как аналог дихотомии «сплоченность – разобщенность» или, тем более, как дихотомию «прятие – отверженность», «вовлеченность – отчужденность». Автор полагал, что определенная корреляция между данными измерениями существует [7, с. 509, 520]. По мнению автора, «коллективизм – индивидуализм» – это характеристики культур и обществ, а индивиды отличаются по измерению «идеоцентричности (idiocentric) – аллоцентричности (allocentric)». Если идеоцентристы* направлены на достижение и одиноки, то аллоцентристы** не отчуждены и получают значительную социальную поддержку. Эти типы есть во всех культурах, но их количество и выраженность могут значительно варьировать. Так, традиционно индивидуализм более присущ западным культурам, высшим слоям общества, и чаще проявляется на индивидуальном уровне.

Психологические
факторы
одиночества

Наряду с социальными факторами одиночества А. Рокач с соавторами обратили внимание на психологические факторы. Авторы привели обзор исследований, в которых описывается многомерная модель одиночества. Это характеристики одинокого человека – физическая и личностная привлекательность, застенчивость [8, с. 70–72]. Представлены результаты исследований, в которых приводятся данные относительно пессимизма, низкой удовлетворенности жизнью, депрессивности и враждебности у одиноких людей.

Причины
отчуждения
человека

В свою очередь, П. К. Лунт выделил пять относительно взаимосвязанных причин отчуждения от группы [9, с. 31–33]. Первые три причины относительно объективны. Это «неприятная личность» и «непривлекательная внешность», а также недостаток возможностей для общения. Вторая группа факторов более субъективна. С одной стороны, это застенчивость и страх отвержения,

* Идеоцентричность – центрированность на идее.

** Алло [греч. Allos другой, иной +]. Аллоцентричность – забота о других.

недостаточно активный поиск контактов. С другой стороны, это пессимизм относительно возможности контактов. Как предположил П. К. Лунт, именно пессимизм является ведущей причиной одиночества, хотя люди более склонны приписывать ведущую роль объективным факторам.

Факторы, провоцирующие затруднения социальных взаимоотношений

Что касается физической непривлекательности, то это может оказаться весьма важным фактором, провоцирующим затруднения социального взаимодействия и одиночество.

В работе Н. Рамси и Д. Харкорт было показано, что люди с дефектами внешности чаще говорят о сложностях, связанных с контактами с незнакомцами, знакомством с новыми людьми и установлением новых дружеских отношений [10, с. 126–129]. С одной стороны, люди в своем большинстве стремятся образовывать союзы с теми, кто воспринимается ими как социально привлекательные, и избегать тех, кто кажется непривлекательным. Незнакомые люди сохраняют между собой и незнакомцем с лицевым дефектом более значительную дистанцию, чем при встрече с этим же человеком, но без видимого отличия. Отчасти это может быть желанием избегать всего того, что может быть заразным. С другой стороны, люди с видимыми отличиями часто остро осознают реакции других и затрачивают избыточное количество сил и энергии, проявляя к ним внимание. В результате у них может сформироваться менее оптимальный стиль взаимодействия, проявляющийся в категорическом социальном избегании, застенчивости, неловкости и смущении, защитном или враждебном отношении к другим.

Стили привязанностей человека

В своих исследованиях Р. К. Фралеи и Ф. Р. Шэвер описали типологию стилей привязанности у взрослых [11, с. 1081]. В одном случае взрослые люди позитивно относятся к себе и близким другим, полагаясь на них. (Однако во многих случаях отношения обретают отчужденный характер). В другом случае человек имеет невысокую самооценку и не надеется на ответные чувства значимых для него близких людей. В третьем случае человек может излишне остро ориентироваться на отношения, чувствительно реагировать на отвержение и отчуждение. В противоположность ему другими может вообще отрицаться важность близких отношений. Возможно это ведет к независимости и самодостаточности.

Пассивно и активно одинокие

«Пассивно» и «активно одинокие» описываются С. В. Бакалдиным в его типологии одиночества. Для

представителей группы «пассивно одиноких» характерна склонность к уединению. По сравнению с представителями «активно одиноких» их самооценка ниже, они в меньшей степени удовлетворены собой, более стеснительны, сильнее чувствуют свою непривлекательность, ненужность и беспомощность. В то же время они меньше нуждаются в других людях. В ситуациях одиночества они более пассивны, в большей степени отгорожены от общения. Одиночество переживается ими тяжелее, чем представителями «активно одиноких». Они в большей степени, испытывая одиночество, склонны предаваться отчаянию, испытывать отчуждение от людей, от мира, от себя. Их отличает пониженная агрессивность, сниженная активность, неспособность к установлению межличностных контактов, теплых человеческих отношений. Отмечается сужение круга интересов, избегание каких-либо конфронтаций, конфликтов, дискуссий и ситуаций «соперничества», склонность жертвовать собственными интересами, целями и планами. Их самочувствие, активность и настроение понижены. Они в целом хуже и тяжелее переживают одиночество [12, с. 139–143]. По мнению автора, если исходить из того, что чувство одиночества определяется особенностями функционирования «Я», то одиночество является в первую очередь порождением особенностей личностной организации, а во вторую – актуальной социальной ситуацией.

Одиночество как отчужденность человека

Сходную типологию одиноких людей предлагают Е. П. Никитин и Н. Е. Харламенкова. Одиночество рассматривается ими как субъективное переживание, связанное с переживанием отчужденности человека от общества [13, с. 172–179; 14, с. 85–91]. Авторы выделяют аналоги «пассивных» и «активных», зависимых и доминирующих одиноких людей. В то же время они описывают самодостаточных одиноких. При этом только зависимые и доминирующие личности переживают состояние одиночества в виде негативно окрашенного чувства отчужденности от людей. Доминирующая личность с ярко выраженными агрессивными тенденциями демонстрирует свою независимость от других людей, но такая личность больше, чем зависимая, испытывает нужду в другом человеке и переживает более глубокое, устойчивое чувство изоляции без надежды на изменение своей позиции в мире людей. У зависимой личности чувство одиночества возникает в ситуации отсутствия близкого человека (родителей

Тревожность
привязанности и
избегание
привязанности

или детей), но, тем не менее, человек ожидает разрешения травмирующей ситуации. Авторы выделили еще один тип – *самодостаточную личность*, ориентированную на собственное понимание действительности. Такая личность интерпретирует состояние одиночества как своеобразное благо, не испытывая обостренного негативного чувства одиночества и отчужденности.

Близкая типология описывалась М. Вэй с соавторами на основе анализа специальных исследований [15, с. 593, 598]. Согласно мнению авторов многомерное измерение (более 300 дескрипторов) привязанности у взрослых описывается в конечном счете двумя независимыми переменными. Первая – «тревожность привязанности»: страх отвержения, страх быть покинутым сочетаются с негативным представлением о себе (аналог зависимой личности). Вторая – «избегание привязанности»: страх близости, дискомфорт в интимных (в широком смысле) отношениях и зависимость; типично негативное представление о других (в некотором приближении это аналог активной или доминирующей одинокой личности). По результатам собственных исследований, авторы пришли к выводу, что «тревожные» более одиноки по сути своих переживаний, они также более депрессивны и в большей степени испытывают свою вину. «Избегающие» вполне благополучны психологически, особого одиночества и иных негативных эмоций отчужденность у них не вызывает.

Согласно мнению М. Вей с соавторами, единственный вариант субъективно позитивного проявления одиночества в жизни человека – *уединенность*. С точки зрения психодинамических тенденций одиночество может характеризоваться оптимальным соотношением процессов идентификации и обособления. Кроме динамического равновесия идентификации и обособления, условием позитивного проявления состояния одиночества является психологическая устойчивость личности, механизмами которой выступают способность к саморегуляции и рефлексия. Уединенность – нормальное состояние нормального одиночества.

Одиночество и
уединение

Одиночество как состояние не всегда сопутствует изоляции в мирской жизни: политические заключенные и диссиденты при твердой убежденности в правильности сделанного ими выбора и поддержке единомышленников не испытывают чувства одиночества. Уединение предполагает добровольный уход от контактов с окружающими, оно не обязательно связано с негатив-

В уединении может произрастать новая перспектива для человека

ной эмоциональной оценкой состояния. Уединение всегда оставляет индивиду возможность выхода из данной ситуации, в отличие от принудительной изоляции.

В трактовке Р. Мэя человек может противостоять отчуждению от самого себя. В своем уединении человек может обрести новую перспективу, новое сознание себя, которое впоследствии может ему пригодиться. Как писал автор, некоторых людей «выпадение» из общества на значительный период времени защитило от психического расстройства [16, с. 276–277]. «Выпадение» дало им определенную передышку от обременительной последовательности: «детский сад – начальная школа – средняя школа – колледж – аспирантура». Многие люди способны почувствовать реальную опасность, задохнуться. Таким образом, вполне вероятно, что из своих скитаний, кажущихся столь беззаботными, человек вернется с новой серьезностью в отношении к себе самому и своему обществу. Это подобно тому, как Будда удалялся на гору, а Иисус в пустыню, чтобы обрести новую целостность перед тем, как начать свое служение. Это подобно также тому периоду странствий, который составлял неотъемлемую часть образования студентов Средневековья.

Отшельничество как внутренняя сосредоточенность

Психическое состояние при отшельничестве и социальная замкнутость (внутренняя или внешняя) как форма выражения личной убежденности в ее необходимости также не могут быть оценены как состояние одиночества.

И. М. Слободчиков счел, что отшельничество может трактоваться как уединение. При этом основной смысл отшельничества не социальный, а внутренняя сосредоточенность и преодоление в себе низменных начал [17, с. 180].

Типичным образом трактует роль уединения А. Лэнгле. Согласно автору, способность быть одному достигается вместе со зрелостью аутентичной личности [18, с. 30–33]. Человек, который не может быть один, не чувствует себя принятым, если сам не дает себе такого признания. Никакое принятие со стороны других не заменяет принятие со стороны самого себя.

Уединение как составная часть инициации

Не случайно уединение было традиционной частью обряда инициации, когда необходимо в одиночестве провести до нескольких месяцев в лесу, в горах или пустыне [19, с. 46–47]. За это время необходимо общаться с богами, сложить песню, увидеть волшебные грезы. Это важный аспект взросления в определенных индейских племенах Америки. Такого рода добровольная изоляция считается необходимой для завершения определенных фаз личностного развития.

Отчуждение
и сплоченность
как социальные
феномены

Уединенность как необходимое условие развития ребенка специально рассматривали Е. С. Бучхолз и К. Чинлунд. Авторы подчеркивали, что не считают нормой патологические формы одиночества при шизоидных, нарциссических нарушениях: также не считается нормой принудительное одиночество при изоляции, отъезде и т.п. [20, с. 358, 371]. При этом авторы указали, что в современном обществе человек по существу отчужден, но для счастья ему необходима некоторая тотальная сплоченность и единство.

Феноменология
зрелого взрослого
состояния

Практически то же говорил И. Ялом: зрелое взрослое состояние сопряжено с полной, фундаментальной, вечной и непреодолимой изоляцией, в которой человек должен сам принимать решение и нести за него ответственность [21, с. 282, 361, 386]. Невозможно, чтобы кто-то другой взял на себя ответственность за решение зрелого человека.

В истории философии позиции И. Ялома близка точка зрения А. Шопенгауэра и его «гимн изоляции» как добровольному одиночеству. Согласно взглядам философа, в самом лучшем положении находится тот, кто рассчитывает исключительно на самого себя и может быть для себя самого всем во всем. Это полная самостоятельность от остальных людей [22, с. 354–355].

Ценность уединения

Исключительно позитивное значение придавал уединению С. Доурик. Согласно автору, уединение – это своего рода эмоциональный «спаситель» в жизни. Автор полагал, что если бы стоял выбор между вечным уединением и вечной жизнью без уединения, было бы трудно отказаться от первого выбора. Это шанс вернуться к себе, проверить свои мысли и чувства, возможность думать в своем ритме. Одиночество также может быть важной частью работы. Так, некоторые работают «изнутри». Это художники, писатели, музыканты, – им необходимо отражать не только происходящее вокруг, но и собственные впечатления от внешних событий [23, с. 150].

Социальные аспекты
уединения

Э. Енгельберг обратился к социальным аспектам уединения. На основании ряда произведений писателей и поэтов XIX века он трактовал уединение как молчаливую, симпатическую меланхолию. Согласно автору, уединение в романтической традиции сентиментально, но в реальности – оно несет в себе безразличие к миру. Уединению нередко приписывается страдание и скрытое желание вернуться в мир. За уединением стоит видение мира как фрагментированного, утерянного и недостижимого. Автор уподобил уединение отчуждению

Уединение
и одиночество

мира от человека. Человек в своем уединении страдает от вынужденного отчуждения [24, с. 39–43].

Рассматривая уединение и одиночество как психологический феномен, О. Б. Долгинова выделила ряд ключевых моментов. Уединение рассматривалось О. Б. Долгиновой как форма бытия, при которой у индивида отсутствуют связи со средой [25, с. 20–23, 37]. Согласно автору, отличие изоляции от одиночества связано с тем, что изоляция – это ситуация, а не психическое состояние, причем та ситуация, при которой эмоциональная оценка не обязательно негативная (примером изоляции могут служить описания жизни монахов-отшельников). Одиночество является осознаваемым состоянием, которое оценивается как тягостное, несущее в себе отрицательную эмоционально-аффективную окраску. Одиночество – результат депривации личностных потребностей. Об одиночестве можно говорить тогда, когда сам человек осознает неполноценность своих отношений с другими людьми.

О. Б. Долгина настаивала на том, что отчужденность на психосоциальном уровне есть результат психосоциальной изоляции. На интегративном уровне отчужденность трактуется автором как неспособность к привязанности и любви, холодность, отсутствие общности с другими людьми, отвержение себя и других.

Виды одиночества

В исследовании А. А. Артамоновой одиночество рассматривалось вполне «традиционно», то есть с опорой на несколько упрощенную типологию одиночества (экзистенциальное, социальное и психологическое). *Экзистенциальное одиночество* отчасти психологично, это ощущение себя «песчинкой» в мировом океане, боязнь затеряться в его бесконечности. *Социальное одиночество* – результат дезадаптации, конфликта или «потери» (развод, смерть), но это объективная сторона одиночества. *Психологическое одиночество* – это переживание одиночества вследствие непризнания, «непохожести», раскола образа «Я».

Особую типологию занимает одиночество возрастных периодов. А. А. Артамонова ввела описание и интерпретацию «комплекса одиночества»: это не только ощущение «брошенности» и «оторванности» от социума, но также страх перед этой перспективой. Это некоторое связующее звено между изоляцией и отчужденностью [26, с. 46–47].

Одиночество как
тяжелое чувство

Несколько иное описание субъективного переживания одиночества дал В. Н. Карандашев. Согласно автору, одинокие люди чувствуют себя покинутыми, оторванными, забытыми, обделенными, потерянными, ненужными. Это мучительные ощущения, потому что

они возникают вопреки ожиданиям. Тяжелая форма одиночества может означать беспорядок и пустоту и вызывать чувство бесприютности, ощущение того, что ты везде «не на своем месте». Разрывается и связь времен. Ощущается оторванность от прошлого и глубокий провал в будущем: оно становится неопределенным [27, с. 159–160]. Одиночество усугубляет ощущение противоестественной и неожиданной пустоты, пронизывающей весь внутренний мир личности.

Эмпирическое исследование позволило С. В. Бакалдину распределить эмоции, связанные с одиночеством, по четырем группам. Первая – «беззащитность и ранимость» – чувства беззащитности и страха, сочувствие к себе, душевный упадок, ранимость, скука, депрессия, отчаяние, внутренняя опустошенность. Вторая – «отчуждение от мира и людей» – переживание ненужности, изолированности, отчуждение от людей, отчуждение от мира, непривлекательность, чувство одиночества. Третья – «паника и отчуждение от себя» – беспомощность, паника, отчуждение от себя, гнев, злость. Четвертая – «тоска по конкретному человеку» – при этом не нравится быть одному, тоска по конкретному человеку, желание перемены места [12, с. 18–19, 119].

Многогранность
одиночества

Как полагал В. Н. Карандашев, одиночество многогранно. Автор называл большое количество ситуаций, которые могут вызвать одиночество. «Одиночество – это также и ситуации, когда человека уволили, исключили из команды, не приняли в колледж, на работу в понравившуюся ему фирму, или когда человека избегают, потому что его поведение, класс, к которому он принадлежит, признаны социально нежелательными. Одиночество – это и потеря дела, которому посвятил много сил, и время, напрасно потраченное в погоне за иллюзией, и коллектив, который отвернулся от тебя, и любимый человек, которому ты вдруг оказался не нужен. Одиночество – это и тоска по дому, как результат воспоминаний об испытанных в прошлом радостях, о теплом отношении к определенным людям, о запахе свежеспеченного хлеба и свежескошенной травы, об утреннем чирикании воробьев. В конце концов одиночество – это и потеря любой привычности» [28, с. 136]. Однако, автор слишком расширяет понятие «одиночества», включая в него понятие отчуждения, и указывая на разрыв связей, при которых само отчуждение еще не доказано.

Безличные контакты
порождают чувство
одиночества

Чувство одиночества также исследовал Ю. Козелецкий. Согласно автору, одиночество может проявиться тогда, когда человек находится в изоляции или когда у него нет

семьи, дома, друзей, когда ему не с кем разговаривать и некуда направиться. Однако чувство одиночества может возникнуть и у человека, который живет среди людей, выполняет множество социальных ролей, ведет борьбу за власть и многими нитями связан с миром. Если при этом его контакты безличны, холодны и нормативны, то чувство одиночества может возникнуть практически в любой момент. Ю. Козельский считал очевидным, что индивиду легче обнаружить свое одиночество, когда он находится не наедине с собой, а среди других людей. Даже частые общественные отношения, если они холодны, анонимны и нормативны, не освобождают человека от одиночества. Одиночество возникает тогда, когда индивид отдает себе отчет, что эмоциональные связи между ним и миром нарушены или ослаблены. Эти эмоции сопровождаются тяжелыми мыслями и странными поступками на людях.

Люди отличаются друг от друга своим отношением к чувству одиночества

Ю. Козельский отмечал, что индивиды отличаются друг от друга не только степенью сопротивляемости одиночеству, но и отношением к нему. Автор считал возможным выделить определенный класс людей, для которых одиночество (по крайней мере, когда оно не тотально) не только не является грузом, но и имеет определенную положительную ценность. Говоря метафорически, одиночество может иметь свою прелесть и красоту. Благодаря разрыву или ограничению отношений с семьей, друзьями и общественными институтами, эти люди приобретают большую независимость. У них есть больше времени для творчества и формирования собственного жизненного пути. В этом случае одиночество – их сознательный выбор [29, с. 234–235]. Следует отметить некоторую терминологическую неточность: используя понятие «одиночество», автор явно имел в виду «уединение».

Дистанцирование как релятивизация человека

Несколько иные формы отчужденности (одиночества) описал Л. Дюмон [30, с. 38–39]. Он ввел понятие *дистанцирование* по отношению к светскому миру, которое рассматривал как условие индивидуального духовного развития. Для автора дистанцирование – синоним уединения (как в случае отшельников). Это по существу релятивизация* жизни в мире, которая непосредственно приводит к отрешенности от мира (но уединение при этом не предполагается).

Право человека на свободу выбора и его суверенитет специально обсуждали С. К. Бондырева и Д. В. Колесов [31, с. 314–317].

* Релятивизация [лат. *relativus* – относительность] – субъективность позиции человека.

Психологическая
суверенность
человека

Также психологическую суверенность человека исследовала С. К. Нартова-Бочавер. Психологическая, личностная суверенность в ее определении, – это способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство. Суверенность основана на обобщенном опыте успешного автономного поведения и представляет собой форму субъектности человека [32, с. 160–161].

Автономия как
социальная и
психологическая
позиция

От суверенности С. К. Нартова-Бочавер отличает автономию. *Автономия* [гр. *autonomia* – самоуправление] – это, согласно автору, независимость «от чего-то»*, а *суверенность* – управление «чем-то», «по отношению к чему-то». Механизмом достижения автономии (и суверенности) является *сепарация***.

Близким по значениям с сепарацией являются понятия «отчуждение» и «обособление» (В. С. Мухина).

Аутентичность
бытия человека

Концепция суверенности С. К. Нартовой-Бочавер в определенном отношении весьма сходна с концепцией отчуждения. Суверенность, согласно автору, проявляется в переживании *аутентичности**** собственного бытия, уместности в пространственно-временных и ценностных обстоятельствах своей жизни [32, с. 160–161]. В этом случае можно говорить о нормальной суверенности. Автор полагает, что если человек действует, следуя логике обстоятельств и воле других людей, которая им не интериоризируется, можно говорить о депривированности личности. Доминирующее переживание в этом случае состоит в ощущении подчиненности, отчужденности, фрагментарности собственной жизни; человек испытывает затруднения в поиске объектов среды, с которыми он себя идентифицирует: он ощущает себя «на чужой территории» и не в своем времени. Фактически С. К. Нартова-Бочавер описывает состояние отчужденности.

Дистанция как
показатель
отчужденности

Важный показатель отчужденности – *дистанция*. Независимо от используемой в литературе терминологии (социальная, психологическая, «симпатическая» и т.п. дистанции), А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко

* Обычно *автономность*, *автономия* трактуется как независимость «от чего-то». А. Грюен считал автономию таким состоянием интеграции, при котором человек живет в гармонии с собственными чувствами и потребностями [33, с. 1–2].

** [гр. *separatio* – отделение] – отделение от физической и социальной среды и ее отдельных объектов, в том числе и отделение от родителей

*** Аутентичность [гр. *authentikos* – подлинность] – чувство уверенности человека в том, что он поступает согласно собственным желаниям и убеждениям.

сочли возможным выделить три основных подхода [34, с. 168, 182]. Первый подход характерен для изучения межличностных отношений (он не рассматривает принадлежность к социальным группам). Дистанция между людьми здесь определяется в основном их симпатиями и взаимопониманием. Второй подход характерен для исследований межгрупповых отношений. Дистанция определяется объективными социальными, экономическими, национальными и другими различиями. Третий подход характерен для психологии общения. Под дистанцией в нем нередко понимается физическое расстояние, которое индивид стремится сохранить между собой и другим человеком.

Сами авторы определяют психологическую дистанцию как психологическое отношение к объекту социального, материального, идеального мира, представленное в сознании индивида в пространственных эмоционально окрашенных образах.

Частным случаем психологической дистанции является социально-психологическая дистанция, то есть отношение к социальному объекту. Но социальная дистанция – объективно существующее различие в положении индивидов в социальной системе (различие в статусах, ролях и т.д.). И социальная и психологическая дистанция возникают на основе реальных социальных, экономических, политических и национальных различий между группами, к которым принадлежат взаимодействующие индивиды. Психологическая дистанция предполагает субъективное восприятие этих и других различий. Психологическая дистанция может возникать и тогда, когда различий в социальной дистанции нет.

Дистанция
и личностное
пространство

При анализе роли психологической дистанции возможны терминологические сложности. Так, И. Б. Котова использовала понятие «личностного пространства», которое включает в себя как психологическую, так и социальную дистанцию. При этом под психологической дистанцией она понимает нечто вроде пространственного расположения, – место партнеров по общению и взаимодействию, персональное пространство каждого, а в личностном пространстве выделяет такие компоненты, как личные вещи, место обитания, личные свободы и права (что обычно описывается как суверенитет).

Применительно к социальным формам отчуждения как нарушения связи выделяется *разобщенность* (estrangement), которая может выражаться в охлаждении отношений, отдалении, враждебности. Д. Торрэнс

Фактор
психологической
несовместимости

противопоставил такого рода «отдаление» солидарности и через эту оппозицию дал ему расшифровку. Если при солидарности отношения принимают форму помощи, кооперации, то при отдалении отношения принимают форму вражды и соревнования; место дружбы, примирения и согласия занимают конфликт, месть и провокации [35, с. 70–71, 82–83].

Вероятно, важным фактором отчуждения от другого человека является *психологическая несовместимость*. По мнению Е.Н. Богданова и В.Г. Зазыкина, психологическая несовместимость является одной из основных причин межличностных, межгрупповых конфликтов и конфликтов «личность – группа» [36, с. 55]. Точного и общепринятого определения психологической несовместимости нет. Практически психологическая несовместимость трактуется как вызванная субъективными причинами невозможность осуществлять совместную деятельность или взаимодействия. Психологическая несовместимость может проявляться по-разному: от несходства жизненных принципов до особенностей характера.

Личностное
пространство
человека

Личностное пространство может определяться как граница между Я и не-Я. При этом личностное пространство обладает рядом характеристик, которые подвергаются изменению под влиянием внешних условий и внутриличностных факторов.

И. П. Шкуратова по результатам анализа когнитивной школы привела ряд таких характеристик [37, с. 173–177].

Во-первых, это *широта жизненного пространства*, определяемая по числу областей реального мира, которые субъект считает относящимися к его жизни и которые нашли отражение в его картине мира. При узости жизненного пространства индивид исходно отчужден от отдельных аспектов мира и социума. Наоборот, чем обширнее пространство самоотождествления человека, тем большее содержание мира человек осознает как свое.

Во-вторых, *проницаемость внешних границ* жизненного пространства. Проницаемость может проявляться как в открытости информационному и энергетическому потоку со стороны реальных физического и социального миров, так и в ответном информационно-энергетическом потоке со стороны субъекта жизненного пространства. Аутизм, присущий человеку, может рассматриваться как проявление плохой проницаемости внешних границ. Автор предполагал разные варианты проницаемости, образованные степенью проницаемости

изнутри и извне. При плохой «входящей» проницаемости индивид отчужден иначе (например, это недостаток эмпатии, внимания к социуму в целом), чем при плохой «исходящей» проницаемости (как в случае подавленной эмоциональности).

В-третьих, *степень заселенности жизненного пространства*. Степень заселенности пределяется числом лиц, которые включаются субъектом в жизненное пространство. Это, прежде всего, значимые для него люди из семейно-родственной, деловой и дружеской сфер общения. Но это совсем не обязательно симпатичные ему люди. Главное, что они были выделены из множества других людей по какому-то критерию, запомнились ему из прошлого, оказали на него влияние (иногда самим фактом существования).

Категоризация
личностью своего
социального
окружения

Результаты эмпирического исследования структуры психологической дистанции привели А. Л. Журавлев и А. Б. Купрейченко. В результате исследования ими были выделены основные критерии категоризации личностью своего социального окружения по степени психологической дистанции: надежность; приязнь; единство; уважение; принятие; взаимная ответственность, зависимость и контроль; взаимные обязательства; взаимный интерес; большая заинтересованность субъекта во взаимодействии; помощь в делах; непредсказуемость объекта; формальность и вынужденность контактов [34, с. 214]. Это означает, что личность относит другого участника взаимодействия к категории «психологически близких» или «удаленных» в зависимости от того, какой уровень приязни, единства, взаимной зависимости, заинтересованности в контактах и т.д. сформирован в процессе общения. Некоторые из выделенных факторов (поддержка, единство, предсказуемость) являются компонентами межличностного доверия. Таким образом, доверие – один из структурных элементов психологической дистанции.

Сила доверия
и недоверия
к другим

Отдельно исследователями рассматривались *недоверие или доверие* по отношению к другим людям. Эти феномены отчасти связаны с таким конструктом, как макиавеллизм. Из исследований М. Б. Гуртман следует, что для недоверия типична определенная ранимость. Недоверчивые люди излишне рефлексивны и часто боятся разочаровать окружающих. При этом сами они весьма ранимы и нередко воспринимают себя объектом нападков, слишком беспокоятся о том, как на них реагируют [38, с. 1000].

Для макиавеллизма типичен иной характер рефлексии. Люди, склонные к макиавеллизму, не хотят

Доверие как феномен эмоциональной сферы психики

никого пропускать впереди себя, склонны к мести и конкуренции. При этом им трудно выражать свои чувства, в частности – привязанность и восхищение другими. Они скорее реально не могут быть близки с другими, чем боятся разочарования.

Согласно В. П. Зинченко, доверие в своей основе относится к эмоциональной, плохо рационализируемой сфере психики, в каком-то смысле является синонимом личности [39, с. 68–69].

В трактовке А. Б. Купрейченко доверие предстает как вполне «диагностируемое». Автор считает первоосновой доверия и его начальной формой эмоционально-позитивное отношение, интерес и открытость субъекта по отношению к партнеру [40, с. 58–61]. Более «зрелая» форма доверия характеризуется готовностью проявлять добрую волю в отношении партнера. И только затем следует ожидание справедливого и честного отношения со стороны партнера.

Доверие, таким образом, социальное явление. Нередко оно понимается как форма социальной компетентности (умение и готовность строить доверительные отношения), как культура (совокупность правил и норм) и т.д.

Доверие как психологическое отношение включает в себя интерес и уважение к объекту или партнеру, эмоции от предвкушения их удовлетворения и позитивные эмоциональные оценки партнера; расслабленность и безусловную готовность проявлять по отношению к человеку добрую волю, а также совершать определенные действия, способствующие успешному взаимодействию. *Недоверие* как психологическое отношение включает в себя осознание рисков, чувство опасности, страха в сочетании с негативными эмоциональными оценками партнера и возможных результатов взаимодействия; настороженность и напряженность; готовность прекратить контакт, ответить на агрессию или проявить опережающую враждебность.

Доверие предполагает сотрудничество

А. Б. Купрейченко счел, что доверяющие, то есть значимые друг для друга люди (даже заинтересованные в сотрудничестве и мирном сосуществовании партнеры) должны вырабатывать меры предосторожности и контроля в потенциально опасных сферах и ситуациях взаимодействия. Иными словами, автор полагает, что в отношениях должно быть оптимально определенное соотношение доверия и недоверия.

Эмпирические исследования С. П. Тарбаховой показали, что люди достаточно легко формируют амбивалент-

ное представление о другом в отношениях доверия-недоверия: субъекты способны одновременно доверять и не доверять друг другу [41, с. 50].

Способность человека априори наделять других свойствами безопасности

Несколько иначе трактует «доверие» Т. П. Скрипкина. По определению автора, «доверие есть способность человека априори наделять явления и объекты окружающего мира, а также других людей, их возможные будущие действия и собственные предполагаемые действия свойствами безопасности (надежности) и ситуативной полезности (значимости)» [42, с. 85–86]. При этом важнейшей функцией доверия является функция связи человека с миром в единую систему, в единую онтологию. Доверие трактуется Т. П. Скрипкиной как отношение не только к социуму, но и миру. Она подчеркивает априорность доверия. Именно в силу наделяния объектов окружающего мира определенными свойствами до акта взаимодействия доверие превращается в фундаментальное условие этого взаимодействия. Иначе говоря, объекты исходно не воспринимаются как отчужденные. При этом Т. П. Скрипкина выделила особый вид доверия – доверие к себе. Это психологически значимое указание.

Сферы распределения доверия

Достаточно широко трактует доверие Б. Нутенбум. Согласно автору можно с доверием относиться к информации, или оценивать ее с точки зрения достоверности, полноты, непредвзятости, современности, аутентичности и т.д. Можно говорить о вере в себя, самоуверенности, уверенности в себя; каждый из этих аспектов отражает отдельный аспект доверия к себе. Также он говорит о доверии и вере по отношению к общественным институтам и по отношению к другим людям [43, с. 54–57, 194–195]. Анализ связи отношений и доверия показывает, что дружба может быть причиной доверия. Само же *доверие вызывается эмпатией*, которая также может вести к становлению отношений.

Отчуждение как отсутствие переживания

Д. Бетсон с соавторами сочли, что эмпатия возникает на основе осознания «перспективы» другого человека – его положения [44, с. 65–66]. При этом ситуация расценивалась авторами с точки зрения того, что доставит другому удовольствие, радость, облегчение, и наоборот, негативно оценивается то, что принесет человеку боль, печаль, опасность, разочарование. Так, если человек не оценивает перспективы приговоренного к пожизненному заключению, у него возникает меньше эмпатии, чем у того, кто оценивает эту перспективу в полной мере. С другой стороны, приговоренный к пожизненному заключению убийца вызывает меньше эмпатии, чем

случайный прохожий, поскольку значимость его благополучия оценивается не так позитивно, как благополучие случайного прохожего. Таким образом, осознание положения другого – это только одна из предпосылок. Отчуждение как отсутствие переживания (здесь – эмпатии) вполне возможно, как и наоборот.

Эмпатия
и альтруизм

Несколько иной механизм эмпатии и альтруизма рассматривали Р. Б. Сиалдини с соавторами. Идея основана на возможности слияния собственной и чужой идентичности, при котором (как следует из названия статьи) «один с одним образуют единое» [45, с. 482–483, 492]. В основе такого подхода лежит идея о том, что важные черты или компоненты представления о себе несет не сам индивид, а близкие ему люди. С другой стороны, как другие представлены во мне, так и я представлен в них. Чувство единства – переживание слияния взаимосвязанных личностных идентичностей. Данная идея не нова: представление о наложении «Я – другие» доминирует в «неиндивидуалистических» странах мира, где она считается нормой. Ей противостоит «инкапсулированная» личность западной культуры, которая не столь склонна помогать другим. Инкапсулированной личности предстоит понять, что она делает для других, то она делает и для себя.

Я и другой

Идея включения других в свое «Я» обсуждается в современной психологии достаточно широко. По мнению К. Т. Буррис и Дж. К. Ремпел, общим положением данного подхода является то, что по мере формирования отношений в образ «Я» включаются ожидания, чувства, личность близкого другого [46, с. 945]. При этом могут путаться собственные черты и черты партнера, а собственное «Я» рассматривается скорее как «мы», а не как «я один».

Феномен
социального
интереса

Следует специально рассмотреть понятие *социальный интерес*.

Социальный интерес как процесс Л. Ф. Бурлачук с соавторами сочли возможным рассматривать как способность «видеть глазами другого» (фактически, способность к эмпатии). Это чувство принадлежности к группе или группам, которое обуславливает готовность помощи, поддержки другим людям. Это ощущение легкости и комфорта при взаимодействии с другими людьми [47, с. 188–190]. Согласно авторам, от чувства принадлежности отличается чувство общности, то есть ощущение многих связей, ведущее к готовности участвовать в групповой деятельности. Вера в других (в их положительные качества) приводит к их уважению, готовности признавать чужие знания и опыт. К идее социального интереса относят мужество быть

несовершенным, что обуславливает готовность к сотрудничеству ради общей пользы. Наконец, ощущение себя человеком (частью человечества) ведет к способности к компромиссам и гибкости, готовности идти на уступки для решения проблем и конфликтов.

Социальный интерес
и социальное
отчуждение как
антагонисты

Понятие «социальный интерес» во многих отношениях противостоит понятию «социальное отчуждение». Социальный интерес является сложным и многомерным феноменом. Представляется, что многомерность социального интереса можно использовать как гипотетическую многомерность социального отчуждения. Так, эмпатии можно противопоставить равнодушие, безучастность; чувству принадлежности – маргинализм; комфорту при взаимодействии – проблемы в общении; чувству общности противостоит индивидуализм, уединение, одиночество. Вера в других в своем антиподе – в отчуждении – может проявляться мизантропией, цинизмом, недоверием. Мужество несовершенства в своей противоположности – нарциссизм; готовности к сотрудничеству и компромиссу противоположен авторитаризм. Соответственно, социальное отчуждение – сложный и многомерный феномен, который определяется рядом психологических и социальных факторов.

Психологические
детерминанты
альтруизма

Психологические детерминанты *альтруизма* подробно рассматривались Н. Мак Вильямс. Критерии подлинного альтруиста, по ее мнению, это неоднократный альтруизм как неконформное поведение, обусловленное обязательствами, нормами и профессией. Альтруизм должен субъекту чего-то стоить, будь то работа, опасность, здоровье. Альтруизм не должен быть возмездным: субъект не должен даже ожидать взаимности. Для альтруиста характерно, что он предвидит потребности другого и предлагает помощь. Он социален, ценит компанию, близкие отношения. Он не выражает гнева, требований и нетерпения. Если другие считают, что он жертвует, он полагает, что получает удовлетворение [48, с. 195–209]. Он идентифицируется эмоционально (эмпатически) с жертвой или нуждающимся.

Взаимодействия,
влекущие
к отчуждению

Во многих исследованиях уделяется специальное внимание *отчуждению при взаимодействии*. Попытка выстроить «техники» взаимодействия одного индивида с другим по степени манипулятивности весьма условна.

Так, Е. Л. Доценко предположил возможность расположения всех человеческих поступков вдоль ценностной оси «отношение к другому как к ценности – отношение к другому как к средству» [49]. Автор выделил два полюса в отношении человека к другому как партнеру.

Первый полюс, – субъектный. Он конституирует отношение к партнеру по взаимодействию как к ценности. Это воплощено в стремлении к сотрудничеству, в готовности понять другого, умении децентрироваться, видеть человека во всей его многосложности, уникальности, изменчивости.

Второй полюс – объектный (манипулятивный в более принятой терминологии). Он характеризуется отношением к партнеру по общению как к средству, объекту. В нравственном плане это воплощается в отношении к другому как к орудию достижения своих целей: нужен – привлечь, не нужен – отодвинуть, мешает – убрать (вплоть до физического уничтожения). Допустимость (моральное оправдание) такого отношения базируется, во-первых, на обесценивании человека, во-вторых, на вере в неравенство (в ценности, в правах, в цене) людей, в-третьих, на ощущении собственного превосходства над другими в чем-либо, доходящем до чувства собственной исключительности (вероятно, имеется в виду нарциссизм). В мотивационном плане отношение к другому как объекту конкретизируется в желании обладать и распоряжаться им, стремлении получить одностороннее преимущество, непременно добиться своего.

Шкала типов
взаимодействий

По мнению Е. Л. Доценко, большинство случаев взаимодействия людей между собой не находится ни на одном из описанных полюсов.

Для описания взаимопереходов между полюсами на оси отношений автор предложил разделить ее на участки и дать содержательное описание каждому из них. В результате шкала отношений содержит пять уровней установок на взаимодействие. От доминирования к содружеству происходит переход от крайне несимметричных отношений, когда один субъект властвует над другим, до равноправных, позволяющих совместно объединяться для решения возникающих проблем. Те же изменения происходят и с силой: сначала она грубая и простая, направленная на/против другого, затем становится все более мягкой, уточненной, даже одухотворенной. Появляется совместная сила – договор, который на уровне партнерства, используется для взаимного контроля (все еще направленная на другого), а затем направляется вовне.

Партнерство
и содружество

Согласно Е. Л. Доценко, только два вида взаимодействия не характеризуются явным отчуждением от другого: *партнерство и содружество*.

Партнерство – отношение к другому как к равному, имеющему право быть таким, как он есть, с которым надо считаться. Типично стремление не допустить ущер-

ба себе, раскрывая цели своей деятельности. Равноправные, но осторожные отношения, согласование своих интересов и намерений, совместная рефлексия. Основные способы воздействия (скорее уже взаимодействия!) строятся на договоре.

Содружество – отношение к другому как самоценности. Стремление к объединению, совместной деятельности для достижения близких или совпадающих целей. Основным инструментом взаимодействия уже не договор, а согласие (консенсус).

Множественность значений и смыслов понятия «сотрудничество»

Здесь стоит отметить, что в иной терминологии содружество может обозначаться как сотрудничество или компромисс, соперничество как соревнование (конкуренция) [36, с. 85]. При этом также возможно приспособление, когда собственные интересы приносятся в жертву, избегание (позиция «не связываться»). В последнем случае это отчуждение от другого не субъектной позиции, а объектной.

Отчуждение и толерантность как амбивалентные феномены

Противоположным отчуждению процессом является *толерантность*. Толерантность может описываться как взаимоотношения, построенные на принципах равенства, уважения, справедливости и диалога; в категориях ценности другого, признании его прав на иную точку зрения. Вместе с тем Г. С. Кожухарь описывал ряд форм межличностной толерантности, из которых подлинная лишь одна, – просоциальная конструктивная активность [50, с. 37–38]. Он выделяет также просоциальную конструктивную пассивность – снисходительную толерантность, безразличие. Просоциальная деструктивная пассивность – толерантность как страдание (партнера «терпят»). При асоциальной деструктивной пассивности терпимость выступает как отчуждение (субъект отстраняется с целью сохранения «Я»), в результате отношения распадаются. Однако определенная отчужденность очевидна и при безразличии, и при «страдании», и при иных формах толерантности.

Феномены доминирования и соперничества

Исследователи выделяют также феномены *доминирования* и *соперничества*.

Доминирование – это отношение к другому как средству достижения своих целей, игнорирование его интересов и намерений. Стремление обладать, распоряжаться, получать неограниченное одностороннее преимущество. Открытое, без маскировки, императивное воздействие – от насилия, подавления, господства до навязывания, внушения, приказа – с использованием грубого простого принуждения. Воздействие скрытое, с привлечением более сложного, опосредованного давления.

Соперничество – отношение к другому, когда партнер по взаимодействию представляется опасным и непредсказуемым, с силой которого приходится уже не только считаться, но которой приходится опасаться. Интересы другого учитываются, но в той мере, в какой это диктуется задачами борьбы с ним. Тем не менее, остается стремление переиграть соперника, «вырвать» одностороннее преимущество.

Открытые приемы влияния на людей (доминирования) отличаются от манипулятивных техник. Такова, к примеру, *прямая угроза* (иногда называемая принципом Аль Капоне, который говорил, что «с помощью доброго слова и револьвера вы можете добиться гораздо большего, чем одним только добрым словом») [51, с. 83–85]. Своеобразной интерпретацией Аль Капоне является прием «пригрозить расстрелом». Иногда прямая угроза в споре принимает форму так называемого «палочного довода» (*ad baculum*). Данный прием С. И. Поварнин демонстрировал в форме следующей ситуации: Вольнодумец заявляет, что Земля вертится вокруг Солнца. Противник возражает: «А вот в псалмах написано иное. Как вы думаете, может Святое Писание ошибаться или нет?». Вольнодумец вспоминает об инквизиции и отступает [52, с. 79].

Доминантна в отношениях так называемая *конфликтная личность*. По мнению Е. Н. Богданова и В. Г. Зазыкина, в воображении этого типа доминирует «образ врага»; оппоненты представляются им как враги, а не личности, отстаивающие свои точки зрения [36, с. 80–83]. Основная направленность общения – подавление оппонента, выведение его из равновесия. В противоборстве применяют принуждение, провоцирование, угрозы, менее склонны к переговорам. По мнению авторов, для конфликтной личности характерна эгоцентрическая направленность; выражены мотивы самоутверждения, самовыражение через противоборство за счет других, соперничество. В коллективе они выбирают конфликтные социальные роли: «бунтаря», «критика», «поборника справедливости».

Обобщенная психологическая характеристика этого типа предполагает целеустремленность, независимость, нетерпимость, демонстративность, недоверчивость, завистливость, грубость, бесцеремонность.

Манипуляция – это отношение к партнеру по взаимодействию как к «вещи особого рода», тенденция к игнорированию его интересов и намерений. Стремление добиться своего с оглядкой на производимое впечатление.

Макиавеллизм как личностная черта

Так называемый *макиавеллизм** как личностная черта отражает желание и намерение человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях. Речь идет о таких случаях, когда субъект скрывает свои подлинные намерения, но с помощью ложных отвлекающих маневров добивается того, чтобы партнер, сам того не осознавая, изменил свои первоначальные цели. По мнению В. В. Знакова, макиавеллизм обычно определяется как склонность человека в ситуациях межличностного общения манипулировать другими тонкими, едва уловимыми или нефизически агрессивными способами (такими, как лесть, обман, подкуп или запугивание). Однако, как было показано выше, если лесть и обман можно считать «тонкими», то подкуп и запугивание – явно очевидные (как кнут и пряник) и весьма «грубые» приемы воздействия. Таким образом, макиавеллизм описывает склонность не только к манипулированию, но и к доминированию [53, с. 177–179].

Макиавеллист манипулирует другими

Согласно В. В. Знакову, макиавеллист – это субъект, который манипулирует другими на основе своего кредо, то есть определенных жизненных принципов**. Макиавеллист манипулирует всегда *осознанно* и исключительно ради *собственной выгоды*, и не испытывает чувства *вины* за те способы, которыми действует, не видит в них ничего предосудительного.

Макиавеллисты склонны быть отчужденными

При вступлении в контакт с другими макиавеллисты склонны держаться эмоционально отчужденно, обособленно, ориентироваться на проблему, а не на собеседника, испытывать недоверие к окружающим. В определенном смысле они также и «соперники» (в терминах Е. Л. Доценко). Такие субъекты имеют более частые, но менее глубокие контакты со своими друзьями и соседями. Не случайно высокий уровень макиавеллизма иногда называют «синдромом эмоциональной холодности». Социальная отстраненность действительно является основной характеристикой подобных людей.

Соединенность иезуитства и макиавеллизма

Многие мыслители соединяли иезуитство*** и макиавеллизм как взаимно соединяемые качества, за которыми стоит крайнее, абсолютное отчуждение.

* *Макиавеллизм* – политика, основанная на культе грубой силы, пренебрежении нормами морали, насилии, обмане и т.п. Названа по имени Николло Макиавелли (1469–1527) – политического деятеля Флоренции, известного коварством и вероломством.

** В более принятой терминологии, как было сказано, он воздействует доминированием и манипулированием.

*** См. *иезуит* [от лат. формы имени Иисус - Jesus] – 1. член влиятельного католического ордена («Общества Иисуса»), созданного в 1534 г. Мораль иезуитов: «Цель оправдывает средства»; 2. лицемер, лукавый, коварный и двуличный человек.

В свое время К. Ясперс писал о том, что «человек не может отказаться от себя» [54, с. 146]. Философ утверждал, что человек может быть отгорожен от других формами общения и оборотами речи.

К формам общения исследователи и отнесли: уход от общества в одиночество и уединение, дистанцирование, макиавеллизм и все те проявления, которые характеризуют различные виды обособления и отчуждения.

Как на то указывала В. С. Мухина, *обособление* – действие, механизм развития и бытия личности: «через обособление от других мы становимся самими собой. Обособляясь от другого и удерживая в себе свою Я-идентичность, свое соответствие самому себе, мы обеспечиваем свое бытие в мире» [55, с. 28]. В то же время В. С. Мухина выделила и рядоположное понятие – *отчуждение*. Она писала о том, что отчуждение есть действие по значению глагола «отчуждаться», делаться чужим, чуждым. Отчуждение для В. С. Мухиной – более выраженная поведенческая форма общения (через позы, жесты и другие демонстрации своего негативного отношения, а также через речь), более эмоционально окрашенная форма обособления [57, с. 28]. И далее автор пишет: «Отчуждение в негативном его проявлении обольщает человека фальшивым ощущением своей свободы и вседозволенности, ощущением могущества своего изощренного ума и чувством превосходства над другими» [55, с. 29].

Резюмируя результаты своей работы с людьми пережившими абсолют отчуждения, В. С. Мухина писала: «Я считаю правильным представить перед всеми нами, человеками, крайние формы отчуждения. Когда человек насильственно грабит и убивает другого человека – он лично отчужден от другого в высшей степени...» [55, с. 29]. Отчужденный от других абсолютно отчужден и от самого себя.

Отчужденные обычно обладают обманным чувством самодостаточности и гордости. Гордость поражает людей иллюзорно успешных, недалеких, с синкретической рефлексией на других и себя.

1. Даль Вл. Один, одинокий, одиночество. Толковый словарь живого великорусского языка // Даль Вл. – М., 1981. – С. 650–651.

2. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд; Пер. с франц. – М., 1994.

3. Садлер У.А., Джонсон Т.Б. От одиночества к анонии // Лабиринты одиночества: Пер. с англ. – М., 1989. – С. 21–51.

4. Пузанова Ж.В. Одиночество (опыт философско-социологического анализа). – М., 1998.
5. Cacioppo J.T., Fowler J.H., Christakis N.A. Alone in the Crowd: The Structure and Spread of Loneliness in a Large Social Network // Journal of Personality and Social Psychology. – 2009. – Vol. 97. – № 6.
6. Rokach A., Bacanli H., Rambaran G. Coping with Loneliness: A Cross-Cultural Comparison // European Psychologist. – 2000. – Vol. 5. – № 4.
7. Triandis H.C. The Self and Social Behavior in Differing Cultural Contexts // Psychological Review. – 1989. – Vol. 96. – № 3.
8. Rokach A., Orzech T., Moya M.C., Expósito F. Causes of Loneliness in North America and Spain // European Psychologist. – 2002. – Vol. 7. – № 1.
9. Lunt P.K. The Perceived Causal Structure of Loneliness // Journal of Personality and Social Psychology. – 1991. – Vol. 61. – № 1.
10. Рамси Н., Харкорт Д. Психология внешности: Пер. с англ. – СПб., 2009.
11. Fraley R.C., Shaver Ph.R. Adult Attachment and the Suppression of Unwanted Thoughts // Journal of Personality and Social Psychology. – 1997. – Vol. 73. – № 5.
12. Бакалдин С.В. Одиночество и его связь с функциями «Я»: Дис. ... канд. психол. наук. – Краснодар, 2008.
13. Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. Феномен человеческого самоутверждения. – СПб., 2000.
14. Харламенкова Н.Е. Дифференциальный подход к проблеме одиночества: зависимость, доминирование, самодостаточность // Психология личности: новые исследования / Под ред. К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. – М., 1998.
15. Wei M., Shaffer P.A., Young S.K., Zakalik R.A. Adult Attachment, Shame, Depression, and Loneliness: The Mediation Role of Basic Psychological Needs Satisfaction // Journal of Counseling Psychology. – 2005. – Vol. 52. – № 4.
16. Мэй Р. Сила и невинность: Пер. с англ. – М., 2001.
17. Слободчиков И.М. Теоретико-экспериментальное исследование феномена одиночества личности (на материале подросткового возраста): Дис. ... докт. психол. наук. – М., 2006.
18. Лэнгле А. Что движет человеком?: Экзистенциально-аналитическая теория эмоций: Пер. с нем. – М., 2006.
19. Powell B. Alone Alive & Well: How to Fight Loneliness and Win. – Emmaus (Pa.), 1985.

20. *Buchholz E. S., Chinlund C.* En Route to a Harmony of Being: Viewing Aloneness as a Need in Development and Child Analytic Work // *Psychoanalytic Psychology*. – 1994. – Vol. 11. – № 3.
21. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия: Пер с англ. – М., 1999.
22. *Шопенгауэр А.* Свобода воли и нравственность. – М., 1992.
23. *Dowrick S.* Intimacy & Solitude: Balancing Closeness & Independence. – London, 1992.
24. *Engelberg E.* Solitude and its Ambiguities in Modernist Fiction. – New-York; Basingstoke: Palgrave, 2001.
25. *Долгинова О. Б.* Одиночество и отчужденность в подростковом и юношеском возрасте: Дис. ... канд. психол. наук. – СПб., 1996.
26. *Аратамонова А. А.* Переживание одиночества как фактор развития личностного потенциала студентов – первокурсников: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008.
27. *Карандашев В. Н.* Жить без страха смерти: 3-е изд. – М.; СПб., 2005.
28. *Карандашев В. Н.* Об искусстве жить и умирать: опыт психологического бессмертия. – Вологда, 1995.
29. *Козелецкий Ю.* Человек многомерный (психологические эссе): Пер. с польск. – Киев, 1991.
30. *Дюмон Л.* Эссе об индивидуализме: Пер. с франц. – Дубна, 1997.
31. *Бондырева С. К., Колесов Д. В.* Суверенитет, субъективность, свобода. – М.; Воронеж, 2007.
32. *Нартова-Бочавер С. К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта в его бытии. – СПб., 2008.
33. *Gruen A.* The Betrayal of the Self. The Fear of Autonomy in Men and Women. – New-York: Grove Press, 1986.
34. *Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Нравственно-психологическая регуляция экономической активности. – М., 2003.
35. *Torrance J.* Alienation and Estrangement as Elements of Social Structure // *Alienation: Problems of Meaning Theory and Method* / Ed. by R. F. Geyer and D. Schweitzer. – London, 1981.
36. *Богданов Е. Н., Зазыкин В. Г.* Психология личности в конфликте: Учебное пособие. – 2-е изд. – СПб., 2004.
37. *Шкуратова И. П.* Личность и ее жизненное пространство // *Психология личности: Учебное пособие* / Под ред. П. Н. Ермакова, В. А. Лабунской. – М., 2008.
38. *Gurtman M. B.* Trust, Distrust, and Interpersonal Problems: A Circumplex Analysis Relationships // *Jour-*

nal of Personality and Social Psychology. – 1992. – Vol. 62. – № 6.

39. *Зинченко В. П.* Психология доверия. – 2-е изд., испр. и доп. – Самара, 2001.

40. *Купрейченко А. Б.* Психология доверия и недоверия. – М., 2008.

41. *Табхарова С. П.* Взаимосвязь доверия и недоверия личности другим людям с отношением к соблюдению нравственных норм делового поведения: Дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008.

42. *Скрипкина Т. П.* Психология доверия: Учебное пособие. – М., 2000.

43. *Nooteboom B.* Trust. Forms, Foundations, Functions, Failures and Figures. – Cheltenham (UK): Northampton (Mass.): Edward Elgar, 2002.

44. *Batson C.D., Eklund J.H., Chermok V.L., Hoyt J.L., Ortiz B.G.* An Additional Antecedent of Empathic Concern: Valuing the Welfare of the Person in Need // Journal of Personality and Social Psychology. – 2007. – Vol. 93. – № 1.

45. *Cialdini R.B., Brown S.L., Lewis B.P., Luce C., Neuberg S.L.* Reinterpreting the Empathy–Altruism Relationship: When One Into One Equals Oneness // Journal of Personality and Social Psychology. – 1997. – Vol. 73. – № 3.

46. *Burris C.T., Rempel J.K.* Me, Myself, and Us: Salient Self-Threats and Relational Connections // Journal of Personality and Social Psychology. – 2008. – Vol. 95. – № 4.

47. *Бурлачук Л. Ф., Кочарян А. С., Жидко М. Е.* Психотерапия: Учебник. – 3-е изд. – СПб., 2009.

48. *McWilliams N.* The Psychology of the Altruist // Psychoanalytic Psychology. – 1984. – Vol. 1. – № 3.

49. *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М., 1997.

50. *Кожухарь Г. С.* Формы межличностной толерантности: критериальные признаки и особенности // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29. – № 3.

51. *Таранов П. С.* Приемы влияния на людей. – Симферополь, 1995.

52. *Поварнин С. И.* Спор. О теории и практике спора. – СПб., 1996.

53. *Знаков В. В.* Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. – М., 2007.

54. *Ясперс К.* Власть массы // К. Ясперс, Ж. Бодрияр. Призрак толпы. – М., 2008.

55. *Мухина В. С.* Отчужденные: Абсолют отчуждения: 2-е изд. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.